

АЗБУКА ВЕРЫ

**Почему вино – кровь Христова, а
хлеб – Его тело?**

Почему вино - кровь Христова, а хлеб - Его тело?

- I. [Символика хлеба и вина](#)
- II. [Протоиерей Александр Мень](#)
- III. [Юрий Рубан](#)
- IV. [«Ланчанское чудо»](#)
- V. [Святой праведный Иоанн Кронштадтский](#)
- VI. [Священник Константин Пархоменко](#)

I.

Хлеб – символ жизни. И Сам Христос пользовался этим символом, когда говорил о Себе иудеям: “Не Моисей дал вам хлеб с неба, а Отец Мой дает вам истинный хлеб с небес; ибо хлеб Божий есть Тот, Который сходит с небес и дает жизнь миру... Я есмь хлеб жизни... Я – хлеб живой, сшедший с небес; ядущий хлеб сей будет жить во век” (Ин.6:32, 33, 35, 48, 51).

Виноградная лоза – символ избранного народа Божия (Ис.5:1-6). “Виноградник Господа Саваофа есть дом Израилев, и мужи Иуды – любимое насаждение Его” (Ис.5:7). В Новом Завете Сам Господь – “истинная виноградная Лоза”, а Бог Отец – виноградарь, все же люди, кто пребывает со Христом, – ветви этой Лозы (Ин.15:1-6).

Чаша – символ единства и символ спасения.

Хлеб и вино, взятые вместе соответствует славянскому “плоть и кровь” и означают психофизическую природу человека...

II.

В древности считалось, что, когда человек приглашает друзей и с молитвой они совершают трапезу, Божество невидимо присутствует здесь. Жертва и трапеза всегда сливались. И вот Христос установил трапезу Нового Завета, Он заключил Новый союз Неба и земли через Свою смерть, которая обозначена была вот этой трапезой. И Он сказал: «Сие творите в Мое воспоминание». Это не просто воспоминание и память, а это вечно повторяющаяся Тайная Вечеря. Она всегда с нами.

Когда мы поднимаем чашу и хлеб на престоле в Церкви, это значит,

что Христос приходит вновь и снова наступает ночь Тайной Вечери. Он соединяет нас между собой и соединяет с Самим Собой. Таинство трапезы — это таинство единства с Богом и людей между собой. Вот что значит «плоть и кровь».

прот. Александр Мень

III.

Почему формой теснейшего единения со своими последователями Христос избрал трапезу, совместное вкушение пищи? (Ведь Литургия — это совместная трапеза, только предельно упрощенная).

Это большая тема — богословие Евхаристии, по которой существуют прекрасные работы архим. Киприана (Керна), оо. Иоанна Мейендорфа, Ал. Шмемана и др. Сейчас же прошу отвлечься от нашего американизированного «способа приема пищи», часто в спешке, и обратить внимание на следующий факт. Христианство появляется на Востоке, поэтому нам важно учитывать восточный взгляд на трапезу: любая трапеза, тем более, совместная, — священна. Христос — как глава общины — на каждой совместной трапезе благословлял хлеб и вино (как любой глава семьи). То же происходит и на Тайной Вечере, но теперь Христос разламывает хлеб — и называет его своим Телом, а вино в чаше — своей Кровью. При этом сам вкушает от этого евхаристического хлеба (это ведь не отдельный от Него кусок плоти!). А когда человек ест, то, образно говоря, он превращает этот хлеб в свое тело. Когда люди на евхаристическом собрании вместе едят и пьют, то становятся родственниками по плоти и крови.

Поэтому ап. Павел называет Церковь (в греч. Тексте — *Экклесία*, что значит «Собрание»!) «Телом» Христа (см. Еф.1:23 и параллельные места, а тж. по текстам других его Посланий). Важно, что здесь употребляется греческий термин «*сóма*» — живой организм (цельная человеческая личность), а не *сарксили креáс* (отдельные куски мяса расчлененного, мертвого тела).

«Чаша благословения, которую благословляем, не есть ли приобщение Крови Господней? Хлеб, который преломляем, не есть ли приобщение Тела Христова? Один хлеб, и мы многие — одно тело; ибо все причащаемся от одного хлеба (*метэхомэн*)» (1Кор.10:16-17). В

последнем случае употребляется слово *метэхомэн*; это форма глагола *метэхо* – иметь долю, принимать участие, участвовать, быть причастным. Мы часто акцентируем материальную форму таинства – «вкушение»; здесь же Павел обращает внимание на то, **ради чего** это делается, **что** за этим с нами происходит.

Юрий Рубан, к. ф. н. Из рукописи «История Божественной Литургии», СПб, 2005

IV.

«Ланчанское чудо»

Шел VIII век от Рождества Христова. В Церкви Сан – Легонций старинного итальянского города Ланчано совершалось Таинство Евхаристии. Но в сердце одного из священников, служившего в тот день Литургию, вдруг возникло сомнение, истинны ли Тело и Кровь Господни, сокрытые под видом хлеба и вина. Хроники не донесли до нас имени этого иеромонаха, но зародившееся в его душе сомнение стало причиной Евхаристического чуда, почитаемого до сей поры.

Священник гнал от себя сомнения, но они назойливо возвращались вновь и вновь. «Почему я должен верить, что хлеб перестает быть хлебом, а вино становится Кровью? Кто это докажет? Тем более, что внешне они никак не изменяются и не изменялись никогда.

Наверное, это всего лишь символы, просто воспоминание о тайной вечере:»

В ту ночь, когда Он был предан, Он взял хлеб: благословил, преломил и подал ученикам Своим, говоря: «Примите, вкусите: сие есть тело Мое, которое за вас преломляется во оставление грехов». Также и чашу, говоря: «Пейте из нее все: сия есть Кровь Моя Нового Завета, за вас и за многих изливаемая во оставление грехов».

Со страхом произносил священник святыя слова Евхаристического канона, но сомнения продолжали мучить его. Да, Он, жертвенный агнец, мог Своей Божественной властью обратить вино в кровь, а хлеб – в Плоть. Все мог Он, пришедший по воле Отца Небесного. Но Он ушел давно, оставив этот грешный мир и дав ему в утешение Свои святыя слова и Свое благословение: И, может быть, Свои Плоть и Кровь? Но возможно ли это? Не ушло ли подлинное Таинство

причастия вместе с Ним в мир горний? Не стала ли святая Евхаристия лишь обрядом – и не более того? Тщетно пытался священник восстановить в душе мир и веру. Между тем, пресуществление произошло. Со словами молитвы он преломил Евхаристический Хлеб, и тут крик изумления огласил небольшую церковь. Под пальцами иеромонаха преломляемый Хлеб вдруг превратился во что-то другое – он не сразу понял, во что именно. Да и в чаше было уже не вино – там была густая алая Жидкость похожая на: кровь. Ошеломленный священник смотрел на предмет, который был у него в руках: это был тонкий срез Плоты, напоминающий мышечную ткань человеческого тела. Монахи окружили священника, пораженные чудом, не в силах сдержать изумления. А он исповедал перед ними свои сомнения, разрешенные таким чудесным образом. Окончив святую литургию, молча упал на колени и погрузился в долгую молитву. О чем молился он тогда? Благодарил за данный свыше знак? Просил прощения за свое маловерие? Мы этого не узнаем никогда. Но подлинно известно одно: с тех пор в городе Ланчано двенадцать веков хранятся чудесные Кровь и Плоть, материализовавшиеся во время Евхаристии в церкви Сан-Легонций (ныне Сан-Франческо). Весть о чуде быстро облетела тогда близлежащие города и области, и в Ланчано потянулись вереницы паломников.

Прошли века – и чудесные Дары стали объектом внимания ученых. С 1574 года над Святыми Дарами велись различные опыты и наблюдения, а с начала 1970-х годов они стали проводиться на экспериментальном уровне. Но данные, полученные одними учеными, не удовлетворяли других. Профессор медицинского факультета Сиенского университета Одоардо Лиолди, крупный специалист в области анатомии, паталогической гистологии, химии и клинической микроскопии, проводил со своими коллегами исследования в ноябре 1970 и в марте 1971 годов и пришел к следующим выводам. Святые Дары, хранящиеся в Ланчано с VIII века, представляют собой подлинные человеческие Плоть и Кровь. Плоть является фрагментом мышечной ткани сердца, содержит в сечении миокард, эндокард и блуждающий нерв. Возможно, фрагмент плоти содержит также левый желудочек – такой вывод позволяет сделать значительная толщина миокарда, находящаяся в тканях Плоты. И

Плоть, и Кровь относятся к единой группе крови: АБ. К ней же относится и Кровь, обнаруженная на Туринской Плащанице. Кровь содержит протеины и минералы в нормальных для человеческой крови процентных соотношениях. Ученые особо подчеркнули: более всего удивительно то, что Плоть и Кровь двенадцать веков сохраняются под воздействием физических, атмосферных и биологических агентов без искусственной защиты и применения специальных консервантов. Кроме того, Кровь, будучи приведена в жидкое состояние, остается пригодной для переливания, обладая всеми свойствами свежей крови. Руджеро Бертелли, профессор нормальной анатомии человека Сиенского университета, проводил исследования параллельно с Одоардо Лиоли и получил такие же результаты. В ходе повторных экспериментов, проводившихся в 1981 году с применением более совершенной аппаратуры и с учетом новых достижений науки в области анатомии и патологии, эти результаты вновь были подтверждены:

По свидетельствам современников чуда, материализовавшаяся Кровь позже свернулась в пять шариков разной формы, затем затвердевших. Интересно, что каждый из этих шариков, взятый отдельно, весит столько же, сколько все пять вместе. Это противоречит элементарным законам физики, но этот факт, объяснить который ученые не могут до сих пор. Помещенная в античную чашу из цельного куска горного хрусталя, чудесная кровь уже двенадцать веков предстает взорам посещающих Ланчано паломников и путешественников.

V.

Святой праведный Иоанн Кронштадтский (из книги «Моя жизнь во Христе»):

«Что удивительно, что тебе предлагают в пищу и питье Тело и Кровь Свою Господь?»

Кто дал тебе в пищу плоть, созданных Им животных, Тот дал, наконец, в пищу и питание и Самого Себя. Кто питал тебя сосцами матери, Тот, наконец, Сам взялся питать тебя Своею Плотью и Кровью, чтобы, подобно тому как с молоком материнским ты всосал в себя известные свойства матери, дух её, так с Телом и Кровью Христа

Спасителя всосал бы в себя Его дух и жизнь.

Или, как прежде в младенчестве ты питался матерью и жил ею, её молоком, так и теперь, выросши и ставши греховным человеком, ты питаешься Кровью своего Жизнодавца, дабы чрез то был жив и возрастал духовно в человека Божия, святого; короче: чтобы как тогда ты был сыном матери, так теперь был бы чадом Божиим, воспитанным, вскормленным Его Плотию И кровию, паче же Духом Его – Плоть и Кровь Его дух суть и живот суть, – и соделался наследником Царства Небесного, для которого ты и сотворен, для которого и живешь».

VI.

Священник Константин Пархоменко:

Почему Спаситель сказал: «...Сие есть Тело Мое... Сие есть Кровь Моя...»? В каком смысле Тело и Кровь? В символическом? В том смысле, что Кровь — символ установления Нового Завета, а преломляемый хлеб — символ страдающего, ломаемого мучителями Тела Богочеловека?

Не только. Если бы это было так, Церковь никогда не говорила бы, что мы причащаемся Истинного, подлинного Тела и Крови. Мы бы, как баптисты, свидетельствовали лишь о вспоминании Христа и Его Жертвы, но не о подлинном единении со Христом.

Значит, Евхаристия — нечто большее. Значит, Спаситель в Таинстве Своем заключил больший смысл, чем тот, до которого мы дошли. Об этом — в настоящей беседе.

Любая трапеза — это питание человека, благодаря вкушению пищи человек живет. Сотворив мир и насадив растения (пшеницу — хлеб, виноград — вино), Бог дает их в пищу человеку (Быт.1:29). Пища — жизнь. «Но смысл, сущность, радость этой жизни не в пище, а в Боге, в общении с Ним» (протопресв. А. Шмеман). И вот от Бога, от подлинной жизни человек отпал, а через человека от Бога отпала и пища, т. е. весь тварный мир. После грехопадения Пища не помогает человеку восходить к Богу: пища — к смерти, к распаду. Где же та пища, которая вернет человека к Богу? Где та пища, которая насытит навсегда, после которой не будет через некоторое время пусто в

желудке? Это Иисус Христос: «Иисус же сказал им: Я есмь хлеб жизни; приходящий ко Мне не будет алкать, и верующий в Меня не будет жаждать никогда».

Много раз в Ветхом Завете Бог давал пищу умирающим от голода людям. Это и манна, и перепела, чудесно данные Богом народу после бегства из египетского плена, во время странствования народа по пустыне. Все это до времени, ко всему этому не надо прилепляться... Это лишь прообразует истинную пищу и истинное питье, которые явятся в грядущие мессианские, эсхатологические времена.

И эти времена наступают. Прообразы и чаяния исполняются во Иисусе Христе. Он есть «хлеб жизни», сначала словом Своим провозглашающий вечную жизнь для верующих в Него (Ин.6:26-51 а), а затем — своими Плотию и Кровью, данными в пищу и питье (Ин.6:51б-58).

Свои слова о Евхаристии Спаситель произносит после чудесного насыщения народа в пустыне (Ин.6:1-15), тем самым противопоставляя Хлеб Небесный хлебу физическому, тленному (Ин.6:27).

Толкователи отмечают, что, упоминая об Исходе (из египетского плена), Христос ставит Свои деяния в ряд с этими священными для всякого израильтянина событиями. С одной стороны, Он как бы провозглашает новый Исход (переход к новой жизни, к новой реальности), с другой — Он намекает на мессианский пир, на трапезу, ожидаемую евреями, которая, по учению пророков, наступит, когда сойдет на землю Господь.

И далее, поясняя, что есть на самом деле эти истинные пища и питье, Христос говорит, что это Тело Его и Его Кровь — Он Сам. Он не символизирует хлеб и вино: это есть подобие, образ Тела и Крови Моих. Он сообщает Евхаристическим хлебу и вину новый смысл: «Сие есть Тело Мое...»

Христос умер и Воскрес. Его смерть ведет в истинную Жизнь, которой нет конца (Рим.6:9 сл.). Воскресший Христос теперь вечно восседает одесную Бога Отца, «приобретя нам вечное искупление» (Евр.9:12), «будучи всегда жив, чтобы ходатайствовать за нас» (Евр.7:25).

Вот ключ к пониманию природы христианской Евхаристии.

Евхаристия является удивительным фактом: это звено, соединяющее наш, обычный, мир, подверженный законам тления и Смерти, с вечно живым Первосвященником, находящимся в Тайне Пресвятой Троицы. Евхаристия — это мост, перекинутый между миром обычным, тварным (вещество хлеба и вина) и миром Божественным — прославленной плотью Воскресшего Христа. Важно помнить, что мы причащаемся не Тела Христова в Его земном бытийствовании, того Тела Богочеловека, принявшего на Себя образ раба, которое несло Божественность скрытно, как то, что лишь изредка на миг проявляло себя (например, в момент Преображения). Мы причащаемся и не мертвого Тела, лежавшего во Гробе но нового, преображенного, воскресшего, прославленного Тела! Мы причащаемся Тела и Крови, перешедших в новую — прославленную — категорию бытия. Мы причащаемся духоносного Тела Христова «не дематериализованного, но полностью оживотворенного энергиями Духа» (Оливье Клеман).

Еще правильнее сказать, что мы причащаемся Тела, прошедшего путем к Небу, к обожению. Это же Тело лежало в яслях, и ему поклонялись волхвы, это Тело было прободено копьем, умерло и было положено во Гробе. И это же Тело воскресло и вознеслось к Отцу. Его мы и причащаемся.

Причащаться Христа — значит подключаться к Божественной жизни, единственно подлинной вечной жизни, не причащаться — находиться в измерении падшего, преходящего, истлевающего мира. «Если не будете есть Плоти Сына Человеческого и пить Крови Его, то не будете иметь в себе жизни» (Ин.6:53). И «ядущий Мою Плоть и пьющий Мою Кровь пребывает во Мне, и Я в нем» (56 ст.).

«Что же это за средство [ведущее к вечной жизни]? Не что иное, как это славное Тело, явившее себя сильнейшим, нежели смерть, и ставшее для нас источником жизни. Как малое количество закваски смешивается со всем тестом, так и возведенное Богом к бессмертию Тело, войдя в наше тело, изменяет его и всецело претворяет в Свою собственную Сущность» (св. [Григорий Нисский](#)).

Выше указывалось, что Спаситель приурочил совершение Вечери к пасхальному ужину. Смысл пасхальной трапезы — исход из плена к свободе. Но данный переход, ветхозаветная Пасха — лишь образ, тень грядущей мессианской Пасхи — перехода к новой жизни с Богом.

Спаситель Своим шествием на Голгофу, на смерть совершает истинную Пасху — переход к жизни (обретаемой через Воскресение), к новому прославленному существованию. И всех верующих Христос приобщает к этой Пасхе, к новому образу существования. Даруемые Им в Евхаристии Тело и Кровь не образ, не символ новой реальности, они — сама реальность эсхатологического мира, в котором живет Христос. Евхаристия дает человеку, полностью погруженному в наш, физический мир, приобщиться иной, небесной реальности, войти в живой контакт, единство с прославленным воскресшим Телом Господа Иисуса Христа, Телом, сейчас находящимся в Тайне Святой Троицы. Когда ученики, слышавшие проповедь Спасителя о причастии Его Телу и Крови, смутились от слышанного, Иисус, «зная Сам в Себе, что ученики Его ропщут... сказал им: ...Что ж, если увидите Сына Человеческого восходящего туда, где был прежде?» (Ин.6:61-62). Туда... Он там, но и здесь, под видом вина и хлеба.

Что же происходит в Тайне Евхаристии, когда человек принимает в себя Истинное Тело и Истинную Кровь пострадавшего за нас, умершего, воскресшего и прославившегося Господа Иисуса Христа?

Современный подвижник архимандрит [Софроний \(Сахаров\)](#), ученик преп. [Силуана Афонского](#), пишет, что через соединение в любви с Божественной Ипостасью (Личностью) Единородного Сына мы становимся подобными Ему, получаем возможность реализовать свою образность и подобие Ему и «усыновляемся Отцом Небесным на бесконечные веки».

На кресте в последний момент Христос воскликнул: «Совершилось». Недоведомы нам глубины мысли Господа, но мы знаем, что тогда произошел великий сдвиг во всем космическом бытии. Сие «Совершилось» относится к предвечному Совету в недрах Святой Троицы, о чем отчасти говорится и в данном нам Откровении. Для нас еще не вполне совершилось то, чего мы ждем в надежде от Бога. Мы продолжаем в тревоге видеть «нынешние небеса и землю, как содержимые творческим словом Божиим, как сберегаемые на день Страшного суда и гибели нечестивых человеков...» (архим. Софроний (Сахаров)).

Для нас этот мир еще идет к концу истории, грядет антихрист, впереди Суд и испепеление сатаны и греха, когда «смерть и ад

повержены в озеро огненное» (Откр.20:14). Для нас это впереди, но Божественная литургия, Евхаристия, приобщая нас к блаженной вечности, Царству Небесному, уже все эти события содержит в себе, как бы прошедшие. Именно поэтому за Литургией, молясь, священник от лица верующих произносит таинственные, но прекрасные слова: «Поминающе убо спасительную сию заповедь, и вся яже о нас бывшая: крест, гроб, тридневное Воскресение, на небеса восхождение, одесную седение, второе и славное паки пришествие...»

Что мы можем помянуть на самом деле, о чем мы знаем? Крест? — да. Гроб, тридневное Воскресение, восшествие Спасителя на Небо, седение одесную Отца? — это прошло перед глазами тех, кому мы доверяем, можно сказать, что в опыте веры и мы этому свидетели. Но можем ли мы сказать, что мы поминаем как бы прошедшее «второе и славное паки пришествие» Христова? Литургия, которая наш нынешний мир соединяет с вечностью, с Царством Небесным, говорит, что так сказать можно.

Литургия уничтожает наше время. Вернее сказать, что она его преображает. Как преображена, одуховлена воскресшая природа Христа, так и наше время в Евхаристии становится иным.

В момент Евхаристии мы соучастники Тайной Вечери, на которой было установлено Таинство, мы собеседники апостолам («Вечери Твоя Тайная днесь (т. е. сегодня), причастника мя приими») и одновременно мы свидетели Царства Небесного, наступившего после второго Пришествия Христова. Литургия позволяет нам приобщиться иного, уже неземного, порядка вещей, стать причастниками Божественного течения времени и Божественной жизни.

«Побеждающему дам сесть со Мною на престоле Моем, как и Я победил и сел со Отцом Моим на Престоле Его» (Откр.3:21).

Так вот это совершилось. Евхаристия есть созерцание Бога, причастие Богу, вхождение в общение с Богом — через единение со Христом, Его Телом и Кровью.

И еще об одном аспекте Евхаристического богословия необходимо упомянуть. «Как этот преломляемый хлеб, некогда рассеянный по склонам, был собран, чтобы составить одно, так и Церковь Твоя

собирается в Царстве Твоем со всех концов земли», — пишет автор сборника Дидахе во втором столетии по Рождестве Христовом.

«Когда Господь назвал Своим Телом хлеб, состоящий из множества собранных вместе зерен, Он указал тем самым на единство нашего народа. Когда Он назвал Своей Кровью вино, выжатое из множества гроздей и виноградин и составившее единое питье, Он указал на то, что наше стадо состоит из множества собранных воедино овец», — пишет сто лет спустя африканский епископ св. [Киприан Карфагенский](#).

И еще через столетие: «Мужчины, женщины, дети, глубоко разделенные в отношении племени, народности, языка, общественного положения, рода деятельности, учености, достоинства, состояния... — все они претворены Церковью в Духе. Всем им в равной степени Церковь сообщает Божественную форму. Все получают единую природу, неспособную к разделению, — природу, которая позволяет более не считаться с многочисленными и глубокими различиями между людьми» (св. [Иоанн Златоуст](#)).

Итак, Евхаристия неким таинственным образом объединяет людей. Объединяет таким образом, что каждый получает в Церкви свое место, каждый выполняет свое служение. И если размышлять о том, чему можно уподобить обретаемое в Церкви единство людей, на ум приходит... — тело, обычное тело, в котором каждый из членов драгоценен, каждый находится на своем месте... И Священное Писание, и Священное Предание единодушно свидетельствуют, что через Евхаристию мы соединяемся во Христе в единое тело, и тело это — Тело Христово. «Через Евхаристию община интегрирована в Тело Христово» (О. Клеман), через Литургию мы все становимся через Христа и во Христе едины.

И это богословское утверждение — не порождение поздних веков, это самое первоначальное утверждение древней Церкви. Ап. Павел, который настаивал, что передает ученикам то, что принял «от Самого Господа» (1Кор.11:23), постоянно возвращается к теме, что Церковь — это Тело Христово. И мы, верующие, составляем это Тело.

Определение Церкви как Тела Христова важно и в том отношении, что оно дает представление о характере внутренней жизни Церкви.

Подобно обычному телу с его ростом, питанием, обменом веществ, то же происходит и с Церковью как Телом Христовым: как обыкновенное тело растет, увеличивается, так и Тело Христово создается (Еф.4:12), творит возвращение (Еф.4:16). Как в теле каждый член имеет свое особое назначение, служа целому, так и Тело Церкви составляется и совокупляется при действии в меру каждого члена (Еф.4:16). Как в теле нет распри, а все члены образуют единое целое, здоровый действующий организм, так и в Церкви Христовой мы все примирились в едином Телe (Еф.2:16), образуем единое Тело, одушевляемое единым Духом (Еф.4:4). Как в теле есть свои связи, своя система питания, так существуют они и в Церкви Христовой (Еф.4:16; ср. Кол.2:19). Как писал замечательный мыслитель начала XX века профессор С.-Петербургской Духовной Академии Н. Н. Глубоковский:

«Все христиане объединяются в Господе и в Нем связуются до неразрывности... В этом смысле они образуют не внешний союз, а составляют единое целое, где в разных положениях частных членов обнаруживается общая функционирующая стихия благодати Христовой». Церковь — это единство, превышающее все привычное для нашего опыта. Это единство не просто по семейным, клановым, социальным узам; это единство вышеестественное; единство Живого организма. Вот почему ап. Павел так часто использовал метафору: Христос живет в вас, Христос живет во мне (ср. Кол.1:27; Гал.2:20). Как подметил о. П. Флоренский, «раз «привитые к Церкви», верующие не являются чем-то внешним для нее. Они в подлинном смысле ассимилируются Телом Христовым, делаясь его членами». Это единство и сродство Христа с верующими настолько тесное и реальное, что страдания Христа должны быть страданиями Церкви, и страдания Церкви и ее членов (даже самого малого) есть страдания Христа... «Пребудьте во Мне, и Я в вас» (Ин.15:4) — девиз этой новозаветной, даруемой нам по безмерной любви Божией реальности.

Многokратно мы убеждаемся, что и радости, и горести у Церкви и у Христа едины. «Вы слышали, — обращается апостол Павел к христианам Галии, — что я жестоко гнал Церковь Божию и опустошал ее» (Гал.1:13). И Спаситель, явившись Павлу, не спросил его: «Почему ты гонишь Моих последователей или Моих учеников?..» Христос спросил: «Савл, Савл, за что ты гонишь Меня...»

Вслушайтесь! За что ты гонишь Меня, Меня Самого? Спаситель отождествляет Себя с христианами. Гонение на Его учеников — гонение на Самого Христа. Еще более отчетливо это и лаконично в Евангелии от Матфея, когда Спаситель говорит апостолам: «Принимающий вас принимает Меня...» (Мф.10:40). В том же Евангелии дан другой прекрасный пример, в котором Сам Господь отождествляет Себя с верующими (членами Тела-Церкви): «Когда же придет Сын Человеческий во славе Своей и все святые Ангелы с Ним, тогда сядет на престоле славы Своей, и соберутся пред Ним все народы; и отделит одних от других, как пастырь отделяет овец от козлов; и поставит овец по правую Свою сторону, а козлов — по левую. Тогда скажет Царь тем, которые по правую сторону Его: приидите, благословенные Отца Моего, наследуйте Царство, уготованное вам от создания мира: ибо алкал Я, и вы дали Мне есть; жаждал, и вы напоили Меня; был странником, и вы приняли Меня; был наг, и вы одели Меня; был болен, и вы посетили Меня; в темнице был, и вы пришли ко Мне. Тогда праведники скажут Ему в ответ: Господи! когда мы видели Тебя алчущим, и накормили? или жаждущим, и напоили? когда мы видели Тебя странником, и приняли? или нагим, и одели? когда мы видели Тебя больным, или в темнице, и пришли к Тебе? И Царь скажет им в ответ: истинно говорю вам: так как вы сделали это одному из сих братьев Моих меньших, то сделали Мне. Тогда скажет и тем, которые по левую сторону: идите от Меня, проклятые, в огонь вечный, уготованный диаволу и ангелам его: ибо алкал Я, и вы не дали Мне есть; жаждал, и вы не напоили Меня; был странником, и не приняли Меня; был наг, и не одели Меня; болен и в темнице, и не посетили Меня. Тогда и они скажут Ему в ответ: Господи! когда мы видели Тебя алчущим, или жаждущим, или странником, или нагим, или больным, или в темнице, и не послужили Тебе? Тогда скажет им в ответ: истинно говорю вам: так как вы не сделали этого одному из сих меньших, то не сделали Мне. И пойдут сии в муку вечную, а праведники в жизнь вечную» (Мф.25:31-46).

Итак, Новый Завет свидетельствует, что Церковь — это не просто община людей, собранная силой Духа Святого, укрепляемая и животворимая благодатью Таинств. Церковь — это сплав людей в единый организм — в Тело Христово; местом, в котором верующие

обретают это единство, является Евхаристия. В Нем, во Христе, мы не только входим в общение с Богом, включаемся в Божественную жизнь, но и соединяемся друг с другом.